

ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ОТНОШЕНИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

М.И. Варфоломеева

Белгородский государственный университет, 308007, г. Белгород, ул. Студенческая, 14

Данная статья посвящена проблеме взаимоотношений Советской власти и Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны. Автор использует архивные материалы Центрального Черноземья, иллюстрирующие изменения в политике государства по отношению к церкви в указанный период. Патриотическая деятельность духовенства в годы Великой Отечественной войны. Возрождение и строительство храмов. Сектантское и оппозиционное движение.

В последние годы в современном обществе происходит процесс переосмысления советского периода в истории России. В настоящее время идет поиск, как новых ориентиров, так и возрождение старых духовных ценностей православной России, носителем которых была русская церковь. Между светской и духовной властью в России всегда были сложные, противоречивые взаимоотношения, в основе которых лежала борьба за ведущую роль в обществе. Но эти отношения никогда не приобретали такого трагического характера как в годы Советской власти. Опыт прошлого неразрывно связан с настоящим и будущим, поэтому возрождение православия, восстановление церкви в ее правах, воскрешение ее института, невозможно без пересмотра еще недавних отношений советского государства и Русской Православной Церкви (далее – РПЦ).

Накануне Великой Отечественной войны РПЦ имела 3021 действующий храм, причем около 3000 из них находились на территориях, вошедших в состав СССР в 1939-1940 гг., то есть на тех территориях, где политика властей по закрытию культовых зданий еще не была реализована. Священнослужителей насчитывалось накануне войны 6376 чел. (в 1914 г. – 66100 священников и диаконов). Уже в 1938 г. в СССР не существовало ни одного монастыря. После присоединения Восточной Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Бессарабии их стало 64 (в 1914 г. - 1025). От высшего духовенства в предвоенные годы осталось 4 чел.: 2 епископа и 2 митрополита составляли весь епископат РПЦ. С 1918 г. не созывались ни Поместный, ни архиерейский соборы [1, 41].

Взносы от РПЦ в Фонд обороны составили за годы войны более 300 млн руб. Вся церковная Москва собрала свыше 2 млн руб. Гражданским подвигом стало поведение верующих Ленинграда. По предложению митрополита Алексия 10 приходов города, 7 городских и пригородных церквей, начиная с 23 июля 1941 г., приступили к сбору пожертвований в Фонд обороны и Фонд советского Красного Креста. К середине блокадной зимы 1943 г. пожертвования составили 1 млн 1760 руб. Всего за годы войны духовенством Ленинградской епархии в Фонд обороны было передано больше 6 млн руб. [1, 42]. Это при том, что к началу войны в Ленинграде оставалось 5 действующих православных церквей.

По данным председателя Совета по делам РПЦ при правительстве СССР полковника госбезопасности Г.Г. Карпова в сентябре 1943 г. в СССР насчитывалось 9 тыс. 829 православных церквей (из них 6 с половиной тыс. на оккупированной территории) [6, 242]. Именно тот факт, что церковь вновь стала действующей при немцах, станет не раз поводом в 50-е гг. XX в. для закрытия ее властями. Для примера можно взять список действующих к декабрю 1943 г. церквей на территории Старо-Оскольского района. В этом районе во время оккупации было закрыто 7 церквей в с. Шмарное, слободе Ямской, с. Хорошилово, с. Лебеди, с. Ивановка, слободе Троицкой, с. Т. Колодезь. Всего к декабрю 1943 г. в районе действовало 11 церквей.

Процесс закрытия церквей, начавших работать при немцах в конце 40-х – первой половине 50-х гг. XX в., затронул и Белгородчину. Подобная участь постигла церковь с. Дмитриевки Ракитянского района в июле 1950 г. По решению Исполкома Райсовета депутатов трудящихся сельская церковь была передана под клуб. Об этом свидетельствует следующая запись: «...Бывшая церковь Дмитриевского сельсовета в 1939 г. была передана сельсовету под здание клуба. В том же году сельсовет сделал полную реконструкцию церкви под клуб, ... на что сельсовет израсходовал более 20 тысяч рублей... И только при немцах, здание клуба было занято небольшой частью верующих под богослужение» [3, 258].

Большое значение в изменившихся государственно-церковных отношениях имела активная патриотическая деятельность подавляющей части духовенства и верующих в самые тяжелые годы войны 1941 – 1943 г.г. Несмотря на отсутствие необходимого аппарата управления, печатного органа и юридического статуса, Церковь показала свою силу в борьбе против фашизма и сумела расширить свое влияние. Реальная действительность заставила руководство ВКП(б) перейти к диалогу во имя единства верующих и атеистов для борьбы с общим врагом – фашистской Германией. Сыграло свою роль стремление властей нейтрализовать воздействие гитлеровской пропаганды, порой представлявшей немцев защитниками христианства в России. Не случайно на захваченной территории оккупанты открыли свыше 10 тысяч православных храмов [2, 61].

С разрешения Совнаркома СССР в Москве 29 ноября 1943 г. был открыт богословский институт и пастырские курсы, которые в 1946 г. были преобразованы соответственно в духовную академию и семинарию. Всего к 1947 г. возникло две академии и десять духовных семинарий в Москве, Ленинграде, Саратове, Киеве, Львове, Одессе, Минске, Луцке, Ставрополе и Вильнюсе.

Начался процесс официального открытия храмов. 28 ноября 1943 г. Совнарком принял постановление, согласно которому ходатайства верующих рассматривались местными органами, а в случае их одобрения пересылались в Совет по делам РПЦ, после предварительного решения, которые поступали в Совнарком и затем снова в Совет. Такая процедура была выработана с целью подконтрольного и поэтапного открытия новых храмов.

В 1944 г. было открыто 10 тысяч 547 православных церквей (в РСФСР – 2816, на Украине – 6077, в Белоруссии – 621, в Молдавии – 528, в Прибалтике – 343). Это почти в 3 раза больше, чем перед войной. Верующим, как правило, передавались те культовые здания, которые не потеряли церковного вида. На территории СССР насчитывалось 16297 недействующих храмов, из которых 2953 – пустовали, а 13344 использовались под хозяйственные и культурные нужды [5,242].

По данным статистических материалов Совета по делам религий при Совете Министров СССР, всего в СССР в 1944 г. было религиозных обществ РПЦ 12363, а в РСФСР (исключая Крымскую область) – 2785. В 1945 г. в СССР было 10243 православных общества, в 1946 г. -10547, в 1947 г. – 13813, в 1948 г. -14189, в 1949 г. – 14329, в 1950 г. -14274, в 1951 г. -13867, в 1952 г. -13740, в 1953 г. –13509 [5,242].

Таким образом, нетрудно выявить динамику роста религиозных православных обществ с 1944 по 1949 г.г., а с 1950 по 1953 г.г. – сокращение их числа. Об этом же свидетельствует сравнительный анализ данных по РСФСР: за 1944-1948 г.г. православных обществ увеличилось на 420, а за 1948-1954 г.г. – уменьшилось на 283 [6,23].

Материалы по Белгородчине также содержат свидетельства фактов открытия церквей. В 1943 г. церковный Совет соборной церкви г. Новый Оскол обратился с просьбой о передаче помещения соборной церкви, для совершения религиозных обрядов. Исполком Райсовета трудящихся решил: «Передать полуразрушенное помещение бывшей Соборной церкви в Н. Осколе для совершения религиозных обрядов. Обязать церковный Совет отремонтировать помещение Соборной церкви в соответствии технических правил и указаний Горсовета» [2, 21-22].

Но очень часто процесс открытия церкви затягивался, что в целом было следствием политики сдерживания массового открытия культовых зданий. Примером может служить дело, связанное с ходатайством верующих из с. Обуховка Старооскольского района о предоставлении в их пользование здания бывшей церковной сторожке, занимаемой в настоящее время (май 1948 г.) школой. Это дело было поручено рассмотреть уполномоченному Совету по делам РПЦ при Курском Облисполкоме В. Ефремову. После того как в селе сгорела церковь, Старооскольский Райсовет получил страховую сумму и эти средства с согласия В. Ефремова и при поддержке населения села могли бы пойти на строительство или нового храма, или на культурно-просветительные цели. В результате общего собрания колхозников было решено использовать эту сумму под строительство Дома культуры. Сторожку решили сохранить за школой. Оставшись ни с чем, верующие с. Обуховка начали обращаться к Патриарху, в Совет по делам РПЦ и даже к И.В. Сталину. В конце концов, уполномоченный Совет по делам РПЦ при Курском Облисполкоме обратился к Райсовету с просьбой не чинить препятствий верующим с. Обуховка и разрешить им строительство молитвенного дома на месте сгоревшей церкви, с использованием старого фундамента. «Разрешая данный вопрос, будет покончено дальнейшее хождение жалобы, которая тянется на протяжении 1,5 лет».

Видимо, органы местной власти, основываясь на указаниях «сверху», с большей охотой шли на разрешение использовать церковь для отправления религиозных требований, если эта церковь не была занята под хозяйственные или другие нужды, либо когда церковь была вновь открыта во время оккупации, чем идти на строительство новых культовых зданий.

С такой же осторожностью власти подошли к освобождению духовных лиц, находящихся в заключении. О судьбе одного священника из хутора Осьмакова Алексеевского района можно узнать из его автобиографии, написанной в 1947 г. Милютин П.И. в 1931 г. и до ареста был священником в Смоленской церкви села Лаврове Воронежской области. 8 декабря 1937 г. он был арестован и тройкой НКВД осужден и направлен в заключение в исправительную трудовую колонию на 8 лет. После отбытия неполного срока был освобожден досрочно [4,55].

Но далеко не всем священникам удалось освободиться досрочно. По словам А.И. Солженицына священников: «... не искали по лагерям, а кто из вольных помнил и мог назвать имена и точные места - тех, названных, эпатировали на свободу для укрепления восстанавливаемой церкви» [8,70].

Совершенно иным направлением деятельности советского правительства, косвенно направленное на укрепление института Церкви, было жесткое проведение учета общин-сект, ограничение их возможностей функционирования. К тому же началась окончательная ликвидация расколов внутри РПЦ в СССР. С 1943 г. произошло возвращение в патриархию обновленческих приходов. После избрания митрополита Сергия Патриархом просоветское обновленчество, не оправдавшее надежд властей, утратило былую значимость в глазах правительства. 26 июля 1946 г. умер бывший обновленческий первоиерарх А. Введенский, после чего остатки этого течения фактически прекратили существование.

В течении войны продолжали свою деятельность секты и оппозиционные течения православной церкви. Сложные процессы происходили в наиболее оппозиционном патриархии иосифлянском течении. В 1943 г. часть иосифлян, в том числе община единственной их легально уцелевшей ленинградской Троицкой церкви, перешла в патриаршую церковь. Остальные представители этого течения слились с катакомбниками, в середине 40-х годов иосифлянство фактически перестало существовать.

Перед выбором оказалась и катакомбная («истинно-православная») церковь, наиболее жестоко преследовавшаяся в СССР. Но и они в 40-е годы большей своей частью вернулись в лоно патриаршей церкви, следуя примеру авторитетного в своей среде епископа Афанасия (Сахарова). Часть из них в конце войны основали тайный монастырь из 300 человек на Тянь-Шане. В 1951 г. монастырь был обнаружен, а его обитатели арестованы.

Процесс восстановления жизнедеятельности РПЦ продолжался и после патриарха Сергия, который умер 15 мая 1944 г. В тот же день на экстремальном заседании Синод принял постановление о вступлении в должность Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия. На Поместном Соборе 31 января 1945 г. присутствовали православные патриархи или их представители из Грузии, Румынии, Болгарии, Югославии, стран Ближнего Востока и ряд зарубежных иерархов. Всего собралось 204 участника. На первом заседании было принято «Положение об управлении РПЦ», составленное при участии работников Совета по делам религиозных культов, а на втором заседании 2 февраля, Алексия открытым голосованием избрали Патриархом [7, 347].

В результате принятого «Положения» высшая власть принадлежала Поместному Собору, который при необходимости мог созываться патриархом. Последний управлял РПЦ вместе со Священным Синодом из 6 членов, в том числе трех постоянных – митрополитов Киевского, Ленинградского и Крутицкого. По вопросам, требующих согласования с правительством, патриарх обращался к Совету по делам религиозных культов. Круг таких вопросов не очерчивался, что давало возможность Совету вмешиваться в церковную жизнь. При Синоде могли существовать учебный комитет, издательский отдел, хозяйственное управление, отдел внешних церковных сношений. Вскоре они были образованы. Епархии управлялись епископами, назначаемыми патриархом. Настоятели храмов являлись неперенными членами приходской общины и председателями ее исполнительного органа – церковного совета. Эти положения расходились с существующей прежде практикой: строгим разграничением функций в приходе (богослужбных для пастырей, хозяйственно-финансовой для мирян). Решения патриарха и Синода приводились в исполнение Управлением делами Московской патриархии.

Такое положение и структура управления Русской Православной Церкви просуществовала с незначительными изменениями до середины 80-х гг. XX века.

Список литературы и источников

1. Васильева О.Ю Русская Православная церковь в 1927-1943 г.г. // Вопросы истории. – 1994. - № 4.
2. ГАБО. - Р - 88. Д. 282. - Оп. 1. Л. 21, 22, 61.
3. ГАБО.- Р-136. - Д. 192. - Оп. 1. Л. 258.
4. ГАБО.- Р.- 140. Д. 1. - Оп. 2. Л. 55.
5. Государственно-церковные отношения в России. /Ответ. ред. Овсиенко П.Г., Одинцов М.И. – М., 1996.
6. Одинцов М.И. Хождение по мукам. // Наука и религия. – 1990. - № 8.
7. РПЦ в советское время (1917-1991). Обращение Поместного Собора РПЦ к Правительству Союза СССР (31.01.1945) / Сост. Г. Штриккер. – М. – 1995.
8. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ (1918-1956). – М., 1991.

POLICY OF THE SOVIET GOVERNMENT TOWARDS THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN WORLD WAR II

M.I. Varvolomeeva

Belgorod State University, Studencheskaja St., 14, Belgorod, 308007, Russia

This article devoted to a problem of relation of Soviet government and Russian Orthodox Church during the Great Patriotic war. The author uses archives of Central Black-Earth region for illustration of changes in state politics in this question.

Key words: patriotic activity of Russian Orthodox Church, regeneration and building of temples, sectarianism and opposition.